

ПАВЕЛ НАЗАРЕНКО



ДОЖДЬ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Павел Назаренко

Дождь перед рассветом

<https://litres.ru/73990141>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дождь идёт всегда. Иногда — за окном, иногда — в душе. Но самое главное в жизни — научиться не прятаться от него, а улыбаться, когда капли смешиваются со слезами. Эта история о матерях, которые учат нас теплу. О врачах, которые спасают сердца, забывая о своих. О собаках, которые одним только взглядом стирают всю боль, потому что в нём нет осуждения. И это лечит лучше любых лекарств. Об одиночестве. О том, как важно в самую трудную минуту не оказаться с ним наедине. Как тихий стук в дверь, звонок, чьё-то дыхание рядом, прикосновения могут стать стеной, за которой не страшен даже самый страшный ливень.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 4 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

Павел Назаренко

Дождь перед рассветом

Пролог

В минуты самой тихой печали не смотрите под ноги — опускать взгляд слишком легко. Поднимите глаза: небо бесконечно, и оно никогда не оставляет нас по-настоящему одних.

Я сразу чую — будет дождь.

Нос ловит то, чего ещё нет, но уже приближается: влагу, ещё не пролитою, но уже обещанную. Небо меняет цвет, туча расправляет над землёй свои тяжёлые серые крылья — медленно, величественно, как старая птица, которая никуда не спешит.

Становится тихо-тихо...

Птицы умолкают. Даже ветер прячется. Наверное, боится намочить шёрстку. Все замирает в преддверии чего-то. Я знаю это чувство. Так я замираю, когда Сэм берёт в руки поводок. Так я замирал когда-то, прислушиваясь к её шагам.

Со звуком шагов я вижу ее образ. Рыжие волосы, пахну-

щие цветами даже в дождь. Руки, пахнувшие мылом и бумагой. Голос, тихий и тёплый, как одеяло, в которое можно зарыться носом в холодную ночь.

Я помню. Я всё помню.

Первые капли тревожат спокойствие листвы. Сначала — редкие, тяжёлые, будто небо пробует, не передумает ли земля принимать подарок. Потом — чаще, смелее, увереннее. Дождь набирает силу.

Я люблю этот момент. Когда ещё не мокро, но уже влажно. Когда воздух становится густым, как суп, который Сэм иногда варит по воскресеньям.

Тропы превращаются в ручьи — можно лапки замочить, холодная вода щекочет подушечки. Но мне нравится.

Луга наполняются зеркалами. Я останавливаюсь над одной из луж, вглядываюсь. Там, в тёмной воде, кто-то на меня смотрит. Морда, уши, глаза. Моя морда. Но какая-то размытая, нечёткая, будто я — это не совсем я.

Я мотаю головой. Отражение распадается на сотню рябящих осколков. Так лучше.

Вода течёт по деревьям, капает с травинок, собирается в ручьи, бегущие куда-то в низину, к реке, которую я слышу, но не вижу. Весь мир становится текучим, зыбким, ненастоящим. Только запахи — настоящие.

Воздух пахнет так, что хочется чихать от радости. Я сажусь прямо в траву, не думая о том, что шерсть промокнет и запачкается. Сэм потом поворчит, вытирая меня полотен-

цем, но это потом.

Звук падающих капель. Он разный. Когда капля падает на лист — это одно. На землю — другое. В лужу — третье. На мою шерсть — четвёртое. Всё вместе складывается в музыку, которую никто не придумал, не написал нотами, не сыграл на инструментах. Она сама рождается. Просто потому, что дождь идёт. Будто сам мир дирижирует природой.

Где-то вдалеке гром — прогремел глухо, осторожно.

И вдруг — Шуршание.

Едва уловимое. Тонкое. Чуть громче, чем дождь, но совсем чуть-чуть. Если бы я не слушал так внимательно, не заметил бы. Но я заметил. Я всегда замечаю.

Мышь!

Она торопливо перебегает от куста к кусту, пытаясь найти убежище от надвигающейся стихии. Наверное, у неё там, в мышинном мире, свои дела.

Каждый её рывок — будто искра, зажигающая во мне то, что не потушить никаким дождём. Охотничий азарт. Древний. Тот, что заставлял моих предков бежать сквозь лес за добычей, не чувствуя усталости, не зная страха, не думая ни о чём, кроме одного: догнать.

Я замираю.

Тело само прижимается к земле, будто кто-то невидимый надавил сверху. Мышцы напрягаются, готовые к броску. Глаза сужаются, фокусируясь на движении в траве.

Я начинаю подкрадываться.

Каждый шаг — расчёт. Куда поставить лапу, чтобы не хрустнула ветка. Где затаиться, чтобы ветер не донёс мой запах раньше времени. Как двигаться, чтобы мышь не почувала опасность.

Трава шуршит под лапами, но шум дождя заглушает мои осторожные шаги. Дождь — мой союзник. Он прячет меня, укрывает, даёт преимущество.

Мышь замирает на мгновение. Я вижу, как дрожат её усы, как она прислушивается, поводя острой мордочкой. «*Чует? Знает? Боится?*»

Потом она снова бросается вперёд — теперь уже ближе ко мне. Глупая. Бежит прямо в пасть.

Глаза не отрываются от ускользающей цели. Весь мир сужается до этого движения в траве. Нет больше дождя. Нет леса. Нет неба. Только мышь. Только я. Только этот миг.

Я делаю резкий бросок.

Тело летит само, без команды, без мысли. Лапы отталкиваются от земли, когти врезаются в мокрую почву, я перемахиваю через куст и...

И вот она. Почти в моих лапах.

Мышь вывертывается.

Она делает то, чего я не ожидал — бросается не в сторону, а прямо под меня, проскальзывает между лап, и я, уже потерявший инерцию, только ловлю носом её уходящий запах.

Мышь исчезает в траве. Шуршание удаляется, становится тише, совсем пропадает. Ушла. Спряталась. Будет жить

дальше и рассказывать своим мышатам о страшном чудовище, которое чуть не съело её в дождливый день.

Я не расстроен. Я даже рад. Бежать важнее, чем догнать. Сама охота важнее, чем добыча.

И тут — звук.

Знакомый. Тот, от которого всё внутри снова замирает, а потом взрывается радостью.

Его зов.

Короткое, тёплое слово, прорезающее шум дождя. Я слышу его даже сквозь ветер, даже сквозь стук капель, даже сквозь стук собственного сердца.

— Джек!

Он зовёт меня. Он ищет меня.

Всё меняется в одно мгновение.

Мышь, азарт, напряжённый поиск, древний охотничий инстинкт — всё отступает на задний план, становится мелким, неважным, ненастоящим. Теперь есть только один приоритет. Один голос.

Я оборачиваюсь.

Там, за деревьями, за завесой дождя, стоит он. Я не вижу его — но я знаю. Я чую.

Встряхиваюсь, сбрасывая с шерсти лишние капли. Вода летит во все стороны — пусть. Потом обсохну. И бросаюсь туда, откуда донёсся голос.

Я перепрыгиваю через ручей, в который превратилась тропинка. Продираюсь сквозь мокрые кусты, хлещущие по

бокам. Вылетаю на поляну...

Он стоит. Смотрит на меня и улыбается. Капли стекают по его лицу, по куртке, по рукам, которые он протягивает ко мне.

— Ну что, промок? — спрашивает он. — Опять за мышами гонялся?

Я не отвечаю. Я просто подбегаю, утыкаюсь мордой ему в ладони, чувствуя тепло его кожи сквозь мокрую шерсть. Он пахнет домом. Он пахнет безопасностью. Он пахнет любовью.

— Пойдём домой, старик, — говорит он, трепля меня за ушами. — Чай пить. И сушиться.

Домой. Хорошее слово.

Глава 1: Утрата

Сэм никогда не считал свою жизнь особенной. Она была похожа на тысячи других жизней в провинциальных городках — тихая, серая, предсказуемая. Единственным ярким пятном в ней всегда была мама. Отец исчез, когда Сэм только вступал в подростковый возраст, оставив после себя лишь размытый образ в памяти и холодную, лаконичную записку: *«Мне нужно время. Не ищите меня»*. Мама тогда долго плакала, а потом просто убрала все фотографии и продолжила жить дальше — ради него.

Она была хрупкой. Сэм помнил, как в детстве она всегда куталась в шарфы, боялась сквозняков и могла слечь с тем-

пературой от малейшего чиха прохожего. Слабая иммунная система превращала её жизнь в бесконечную борьбу с миром, полным вирусов. Именно поэтому Сэм твёрдо решил поступить в медицинский. Не ради денег или престижа, а ради неё. Он хотел стать для неё защитой, личным доктором, который всегда будет рядом и никогда не возьмёт за это денег.

Но страшная новость пришла внезапно, как удар под дых. После многих анализов выяснилось, что причиной всех недомоганий была очень редкая болезнь, почти неизлечимая. Сэм, тогда еще студент, смотрел, как опытные врачи пожимают плечами. Он держал её за руку, ставшую вдруг такой холодной и тонкой, и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Он перестал верить. Во врачей, которые оказались бессильны. В справедливость. В себя. Ведь он не смог, не успел, не выучил то единственное заклинание, которое могло бы её спасти. Город, который они любили, превратился для Сэма в мемориал. Каждая скамейка в парке, каждый поворот к дому, каждый запах пирожков из пекарни — всё кричало о ней. Он задыхался в четырёх стенах их квартиры и в то же время боялся выходить наружу, где одиночество становилось всепоглощающим.

Спасением стали прогулки за город. В те дни, когда тоска становилась невыносимой, он уходил далеко в лес, к холмам, где городская суета сменялась шепотом листвы и пени-

ем птиц.

В тот день с самого утра моросило. Сэм любил дождь. Дождь словно давал разрешение быть грустным. Он смывал привычную картинку мира, делая её размытой и более честной. Сэм натянул капюшон старой ветровки и свернул с асфальтированной дороги на гравийку, ведущую к живописному обрыву. Шум дождя по капюшону был ритмичным и успокаивающим. Холодные брызги освежали лицо, мокрый гравий приятно хрустел под подошвами кроссовок, а мокрые листья кленов противно, но почему-то приятно липли к кроссовкам. Дождь ломал рутину — сегодня не нужно было никуда спешить, можно было просто идти, дышать и позволить мыслям течь медленно, как эти капли по стёклам очков.

Он уже почти дошёл до любимой точки, откуда открывался вид на старый дуб. Тот стоял на пригорке, тяжёлый, вековой, весь в глубоких морщинах коры и широких сучьях, которые каждую весну покрывались упрямой, назло всем бурям, молодой листвой. Как вдруг услышал визг тормозов. Звук был резким, неестественным в этой лесной тишине, а следом за ним — глухой удар.

Сэм побежал. На обочине дороги, ведущей в объезд города, лежала девушка. Слышен был только звук мотора уезжающей машины вдалеке.

Сэм упал на колени рядом с ней прямо в грязь, даже не заметив этого. Она была молодой, примерно его ровесницей. Глаза открыты, смотрят в никуда. Кровь на виске смешива-

лась с дождевой водой, растекаясь по асфальту бледно-розовой лужей.

Он лихорадочно похлопал себя по карманам. Телефон во внутреннем кармане ветровки — слава богу, не выпал. Экран мокрый, пальцы соскальзывают, наконец смог набрать номер. Дрожащей рукой поднёс трубку к уху.

— Служба спасения, слушаю вас.

Голос в трубке был спокойным, будничным, словно оператор спрашивала, какой сегодня день недели. Сэм вдруг понял, что не может говорить. Горло перехватило спазмом. Он открыл рот, но звук не шёл.

— Алло? Говорите!

— Девушку сбили, — выдавил он хрипло. Голос сорвался, прозвучал чужим, надломленным. — Машина. На объездной дороге, у леса. Возле спуска к реке.

— Вызов принят. Бригада выезжает. Оставайтесь на линии. Пострадавшая в сознании?

Сэм посмотрел на неё. На мокрые волосы, прилипшие к асфальту. На открытые глаза, в которых отражалось серое небо. На руку, неестественно вывернутую.

— Нет, — выдохнул он. — Она не дышит.

— Медики уже в пути.

— Бесплезно, — перебил он.

Пауза в трубке. Всего секунда, но Сэм её услышал.

— Поняла вас. Оставайтесь на связи. Ничего не трогайте. Вы в безопасности? Вы не пострадали?

— Я в порядке...

Он соврал. Он не был в порядке. Ни капли.

Смерть наступила мгновенно, удар был слишком сильным. Травма, несовместимая с жизнью, так говорят врачи. Даже если бы реанимация была прямо здесь, шансов бы не было. Он сидел на коленях перед мёртвой девушкой, не в силах отвести взгляд от её бледного лица. Он снова был беспомощным. Снова ни на что не годным. Глаза, которые никогда больше не откроются, что и у мамы в тот день.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута, может, вечность. Ему вдруг показалось чудовищным оставить её здесь одну, под дождём, словно ненужную вещь. Он слышал где-то краем сознания, что душа не покидает тело мгновенно, что она ждёт. И если так, кто-то должен проводить её. Сэм взял её за запястье, уже не надеясь нащупать пульс, а просто пытаясь передать тепло, которого в нём самом почти не осталось. Просто чтобы она не была одна, отправляясь в последний путь.

И тут его взгляд зацепился на что-то в её другой, сжатой руке. Это был поводок. Крепкий, с плотной нейлоновой оплёткой и надёжным карабином. Не для декоративной болонки, а для серьёзной собаки. «Карманные песики», — эхом отозвался в голове мамин голос. Она всегда так называла тех крошечных собак, которых богатые дамы носили как сумочки подмышкой.

Мысль о собаке ударила током. Девушка была здесь не од-

на! Где же пёс? Может, он ранен? Лежит где-то в кустах, скулит и ждёт? Или, может, бросился вслед за машиной, надеясь догнать убийцу?

Сэм заставил себя подняться. Ноги не слушались, колени дрожали. Он запрокинул голову к небу, позволяя дождю хлестать по лицу. Сглотнув ком в горле, он вытер лицо рукавом и резко выдохнул.

Он начал лихорадочно оглядываться, вглядываясь в высокую траву на обочине. Искать долго не пришлось. Метрах в десяти, в высокой траве у кювета, застыла тёмная фигура. Собака сидела неподвижно, как изваяние, и смотрела прямо на него. Взгляд был тяжёлым, немигающим. Наблюдала за ним.

Это была немецкая овчарка. Красивая, с густой чёрно-рыжей шерстью, намокшей от дождя. Уши напряжённо торчали вперёд, но она не рычала, не лаяла. Только смотрела. В её глазах Сэм прочитал не агрессию, а что-то другое, что заставило его сердце сжаться ещё сильнее. Это было недоверие, смешанное с отчаянием. Она боялась подойти. Боялась его? Или боялась подойти к тому страшному месту, где лежало самое дорогое, что у неё было? Она ждала. Смотрела на Сэма, словно спрашивая: *«Ты друг? Ты сможешь помочь?»*.

Глава 2: Тедди и тихая любовь

Сэм разбирался в породах собак. Мама Сэма любила их. Всех: от крошечных чихуахуа до огромных сенбернаров. Она могла остановиться на улице, увидев кого-то с псом, и долго

смотреть вслед, улыбаясь той особенной, немного грустной улыбкой, с которой люди провожают то, что им недоступно. Аллергия на собак была ещё одним из её недугов. В детстве Сэм часто просыпался от её чихания после того, как она гладила во дворе соседского спаниеля.

— Мам, а давай заведём лысую собаку? — предлагал он однажды, насмотревшись передач о животных. — Есть такие породы — китайская хохлатая, например. У них вообще шерсти почти нет.

Мэри покачала головой, поправляя очки.

— Нет, Сэм. Я не могу. Они такие... — она запнулась, подбирая слово, — такие больничные, что ли. Знаешь, когда я была в больнице в прошлый раз, там лежала женщина после химиотерапии. У неё не было волос, совсем. И она была такая худенькая, такая беззащитная... С тех пор лысые животные напоминают мне о тех, кто борется за жизнь. О боли. О болезнях. Я не хочу видеть это каждый день дома. Да и мой лечащий врач сказал, что сама шерсть не является источником аллергена.

Так у них и не появилось настоящей собаки. Зато появился Тедди.

Сэм помнил тот день, хотя ему было тогда всего пять лет. Мама пришла с работы с большой коробкой, перевязанной красной лентой. В коробке сидел плюшевый пудель — белый, с кудрявой шерстью и чёрными бусинками глаз, настолько выразительными, что казалось, он вот-вот моргнёт.

— Это Тедди, — сказала мама, прижимая игрушку к груди. — В честь... ну, в честь одного мальчика из моего детства.

— Ты его любила? — спросил маленький Сэм, разглядывая пуделя.

— Очень, — улыбнулась Мэри. — Но это было давно. А Тедди останется с нами навсегда.

Она не ошиблась. Тедди прошёл с ними через всё: через переезды, через болезни, через бессонные ночи и редкие праздники. Его шерсть со временем вытерлась на животе, потому что Мэри часто держала его в руках, когда читала или смотрела телевизор. Один глаз немного съехал в сторону — Сэм когда-то случайно уронил его, и мама пришивала его заново, чуть неровно. Лапа была штопана три раза. Но Тедди оставался Тедди — молчаливым свидетелем их жизни, хранителем её тихих тайн.

Она всегда жила тихо. Без шумных компаний, без ярких приключений, без тех сумасшедших историй, которыми потом хвастаются внукам. Её жизнь была размеренной, как тиканье старых часов: работа, дом, Сэм, редкие встречи с подругами, книги по вечерам.

— Тебе не скучно так жить, мам? — спросил её Сэм однажды, уже подростком.

Она удивилась вопросу:

— Скучно? Нет, милый. Знаешь, счастье — это когда у тебя есть тот, кого ты любишь, и ты знаешь, что любима в

ответ. Всё остальное — просто шум.

Незадолго до пандемии они переехали. Город, где вырос Сэм, остался позади — с его серыми улицами, школой, где преподавала мама, и могилой бабушки, которую Мэри навещала каждое воскресенье. Новое место было южнее, климат мягче, воздух чище. Врачи сказали: для её иммунитета это будет лучше. И ещё — этот город был ближе к медицинскому университету, куда Сэм только что поступил.

— Ты будешь врачом, Сэм, — говорила Мэри, помогая ему распаковывать коробки в новой квартире. — Настоящим. Таким, который лечит не только болезни, но и души.

— Буду, мам, — кивал он. — Обязательно буду.

Он учился. Грыз гранит науки, как и положено старательному студенту. Анатомия, фармакология, хирургия — всё это захватывало его, поглощало с головой. Он хотел стать лучшим. Хотел, чтобы мама гордилась. Хотел однажды взять её за руку и сказать: *«Видишь? Я смог. Я помогу тебе, если что»*.

«Если что» случилось быстрее, чем он думал.

Пандемия пришла незаметно, как вор в ночи. Сначала — тревожные новости из других стран. Потом — первые случаи в столице. Потом — карантин, маски, антисептики, ставшие золотом. Мэри боялась. Она всегда боялась болезней — знала свой организм лучше любого врача.

— Сэм, будь осторожен, — просила она по телефону. — Мой руки. Не трогай лицо. Если что-то почувствуешь — сра-

зу скажи.

— Мам, я в порядке, — отвечал он. — Ты сама береги себя. Сиди дома, никуда не выходи.

Она сидела. Заказывала продукты через доставку, смотрела новости, разговаривала с Тедди. Иногда звонила Сэму и просто молчала в трубку, слушая его дыхание.

— Ты чего, мам?

— Просто скучаю. Ты скоро приедешь?

— Как только смогу. Сейчас практика, сам понимаешь...

— Понимаю. — Пауза. — Я люблю тебя, Сэм.

— Я тебя тоже, мам.

Он отключался и бежал дальше — на лекции, в библиотеку, в больницу на практические занятия. Времени катастрофически не хватало. Казалось, что впереди ещё целая вечность, что мама никуда не денется, что всё самое важное ещё впереди.

Роковой день начался обычно. Сэм заступил на практику в городской больнице соседнего города. Его наставник, доктор Ричард Гринвуд, должен был проводить сложную операцию на сердце. Сэм ассистировал — подавал инструменты, следил за показаниями мониторов, впитывал каждое движение хирурга.

Ричард Гринвуд был легендой. О нём говорили с придыханием, его боялись и уважали одновременно. Сухой, подтянутый мужчина за пятьдесят, с сединой на висках и глазами цвета старого льда. Он никогда не повышал голоса, никогда

не суетился, никогда не показывал эмоций. Его руки двигались с ювелирной точностью, будто он не резал живую плоть, а играл на скрипке.

— Не замирай, — бросил он Сэму во время операции, даже не повернув головы. — Подавай зажим. Быстрее.

Сэм подал. Руки дрожали, но он старался не подавать виду. Операция длилась пять часов. Когда последний шов был наложен, Ричард снял перчатки и коротко кивнул:

— Неплохо для новичка. Но работай над скоростью.

— Пациент выживет? — спросил Сэм, глядя на неподвижное тело под наркозом.

Ричард посмотрел на него с лёгким удивлением — будто Сэм спросил, восходит ли солнце по утрам.

— Это не моя забота. Моя забота — сделать операцию качественно. Остальное — дело организма и судьбы.

Он ушёл, оставив Сэма в операционной. Сэм ещё долго смотрел на мониторы, проверяя показатели. Всё было стабильно. Пациент должен был выжить.

Телефон завибрировал в кармане, когда Сэм переодевался в раздевалке. Он взглянул на экран: мама. Нажал «отключить» — сейчас не до разговоров, нужно заполнить протокол операции. Потом перезвоню.

Он не перезвонил.

Через два часа, когда он уже сидел в ординаторской, разбирая записи, дверь распахнулась. На пороге стояла медсестра — бледная, с красными глазами.

— Сэм... тебя ищут. Из другой больницы звонили. Твоя мама...

Он не дослушал. Выбежал в коридор, выхватил трубку у дежурного администратора. Голос на том конце провода был ровным, профессионально-сочувствующим:

— Ваша мать поступила к нам сегодня утром в тяжёлом состоянии. Мы сделали всё возможное, но... Мне очень жаль. Она скончалась двадцать минут назад.

Сэм не помнил, как добрался до больницы. Очнулся уже у дверей палаты, где лежала его мама. За окном голые деревья, похожие на потрепанные веники, качались на ветру, царапая небо чёрными ветвями. Ноябрь. Холодно. Пусто.

Он вошел.

Первое мгновение — будто выключили звук и цвет. Мир стал плоским, нереальным, нарисованным на картоне. Кровать, тумбочка, капельница, и на подушке — мама. Спокойная, с закрытыми глазами, чуть улыбающаяся, будто увидела во сне что-то хорошее. В руках — Тедди. Она держала его так крепко, что медсестры не стали забирать.

Сэм стоял, слушал слова медсестры, но не понимал их смысла. Что-то про «осложнения», про «молниеносное течение», про «мы очень старались». Слова падали в вакуум, не встречая отклика.

«*Это не может быть правдой*» — не мысль, а глухой инстинкт. Тело двигалось механически: кивало, брало бумаги, произносило «*спасибо*», но внутри — вакуум. Чёрная дыра,

засасывающая всё: прошлое, будущее, надежды, сожаления.

Он подошёл ближе. Сел на стул у кровати. Взял её руку — холодную, неподвижную, с синими прожилками вен. Сжал. Никакого ответа.

— Мама, — прошептал он. Я... Прости...

Она молчала. Тедди смотрел на него чёрными бусинками глаз, съехавшим набок, и в этом игрушечном взгляде было что-то невыносимо укоряющее. *«Где ты был? Почему не приехал? Почему не успел?»*.

Вина ударила следом, резкая, как нож.

«Я не был рядом. Я не держал её за руку. Я пропустил её последний вздох».

Он вспомнил, как отмахнулся от еще одного её звонка неделю назад. Она звонила вечером, голос был тихим, усталым:

— Сэм, приезжай хоть на час. Я так соскучилась. Просто посидим, чай попьём.

— Мам, не могу. У меня завтра экзамен, потом практика. Давай на выходных?

— На выходных... — повторила она. — Хорошо, милый. Я буду ждать.

Он не приехал на выходных. Завалился с книжками, готовился к зачёту. Потом была операция. Потом — ещё одна. Потом — сообщение, разорвавшее сердце.

Теперь этот разговор звучал в голове как приговор.

«Она всегда была рядом, а я — нет».

Даже когда она болела, он находил оправдания: «*Я учусь*», «*Я работаю*», «*Я занят*». Теперь эти оправдания рассыпались в прах, оставляя после себя только горькую, едкую правду: он выбрал карьеру. Он выбрал учёбу. Он выбрал всё, что угодно, только не её.

Он вспоминал все «*потом*», все «*завтра*», все «*как-нибудь съездим*». Теперь эти слова висели в воздухе, как незакрытые двери. За ними — пустота. Никакого «*потом*» больше нет. Никакого «*завтра*». Только «*никогда*».

Он хотел вернуться в прошлое. Хотя бы на минуту. Чтобы сказать ей всё, что не сказал: «*Я люблю тебя*», «*Ты самая важная*», «*Прости, что меня не было рядом*». Чтобы просто обнять. Почувствовать запах её волос, который он помнил с детства — ваниль и чуть-чуть лекарств. Чтобы услышать её голос, который звал его по имени так, как никто другой не звал.

Постепенно пришло понимание: это не пауза. Не перерыв. Не сон. Это навсегда. И с этим «навсегда» нужно как-то жить.

Вина, ярость, пустота, тоска — всё это крутилось в нём, как шторм, сталкиваясь, переплетаясь, разрывая на части. Ярость на себя, на врачей, на дурацкую пандемию, на весь мир, который посмел продолжать существовать, когда мамы больше нет. Пустота — там, где раньше было тепло. Тоска — физическая, почти осязаемая, сжимающая горло ледяными пальцами.

А потом — странное спокойствие. Не принятие, нет. Просто усталость. Такая глубокая, что даже боль притупилась, превратилась в фоновый шум.

Он знал: теперь его жизнь разделилась на «до» и «после». И в «после» ему придётся учиться дышать по-новому. Без неё.

Сэм вышел из палаты, держа в руках Тедди.

Он шёл по коридору, сжимая в руке плюшевого пуделя с вытертым животом и криво пришитым глазом. Люди расступались перед ним, кто-то что-то говорил, но он не слышал. В голове стучало одно:

«Умирают люди, которые любили людей. Это странно и страшно».

Потому что мама любила. По-настоящему. Без условий, без ожиданий, без требований. Любила своих учеников, которые приходили к ней с проблемами. Любила соседей. Любила его, Сэма, так, как умеют любить только матери.

«Остался только я. Кто не умеет так любить. Или разучился. Или боится еще кого-то полюбить»

Глава 3: Первое прикосновение

Собака не шевелилась.

Её силуэт в высокой траве казался частью пейзажа — тёмный, неподвижный, почти призрачный на фоне мокрых стеблей, клонившихся к земле под тяжестью дождя. Дождь всё лил, барабанил по ветровке Сэма, стекая по лицу, заставляя щуриться, но он не мог отвести взгляда. Только глаза овчар-

ки — тёмные, блестящие, — неотрывно следили за ним. В них не было агрессии, лишь странная, почти человеческая настороженность.

Он медленно выпрямился, чувствуя, как затекли ноги от долгого сидения на мокрой земле. Каждое движение давалось с трудом — мышцы сводило то ли от холода, то ли от напряжения, то ли от всего сразу. Он знал: страх передаётся животным мгновенно, быстрее, чем слова. Если он сейчас дрогнет, если побежит — она исчезнет. Уйдёт в лес, и он никогда её не найдёт. А оставлять её здесь, одну, после всего, что случилось, было нельзя.

Голос дрогнул, сорвался на хрип, но Сэм заставил себя произнести тихо, максимально ровно:

— Эй... всё хорошо. Тише... Я не причиню вреда.

Овчарка чуть наклонила голову — едва уловимое движение, которое он заметил только потому, что не сводил с неё глаз. Она будто прислушивалась не к словам, а к интонации. К тому, как бьётся его сердце. К запаху. К вибрации в воздухе. Она сканировала его, пытаясь понять: друг или враг? Спаситель или очередная угроза?

Сэм сделал шаг назад. Не вперёд, не к ней, а именно назад, показывая, что не намерен приближаться насильно, что у собаки есть выбор. Потом медленно, очень медленно, присел на корточки прямо в мокрую траву, не чувствуя холода. Он опустил взгляд, уставившись в землю перед собой. Где-то в книгах или журналах он читал: прямой взгляд в глаза вос-

принимается животными как вызов, как угроза. *«Не смотри в глаза, если хочешь показать, что ты не опасен».*

Секунды тянулись, как резина. Дождь монотонно шумел вокруг. Где-то далеко, на трассе, взревел мотор проезжающей машины — мир продолжал жить своей жизнью, не замечая маленькой трагедии на обочине. Сэм сидел неподвижно, чувствуя, как вода пропитывает джинсы, как холод подбирается к коже, но не смея пошевелиться. Он только тихо, еле слышно, говорил:

— Всё хорошо. Я здесь. Я помогу...

И вдруг — движение.

Краем глаза он увидел, как овчарка приподнялась. Осторожно, словно пробуя землю на прочность, она переступила лапами. Её уши, до этого прижатые к голове, чуть приподнялись, но оставались настороженными. Хвост неподвижен, корпус напряжён — в любой момент она могла сорваться и бежать. Но в позе уже не было того застывшего, парализующего ужаса, который сковал её минуту назад.

Она сделала шаг. Остановилась. Ещё один.

Сэм затаил дыхание. Он боялся даже моргнуть, боялся, что любое его движение разрушит это хрупкое, только начинающее зарождаться доверие. Овчарка приблизилась ещё на шаг и замерла теперь совсем рядом, буквально в полуметре от него. Он слышал её дыхание — прерывистое, тяжёлое, с каким-то свистом. Видел, как вздымаются мокрые бока. И чувствовал запах мокрой шерсти — терпкий, лесной, живой.

Она смотрела на него снизу вверх. Нос дрогнул, втягивая воздух, — она изучала его. Запах старой ветровки, въевшийся в неё запах городской квартиры. Запах слёз, которые он только что вытер рукавом.

Овчарка вбирала в себя всю его историю через этот короткий вдох. И, кажется, принимала.

Сэм чуть приподнял руку — медленно, очень медленно, ладонью вверх, показывая, что в ней ничего нет. Не сжимая в кулак, не делая резких движений. Просто протянул, предлагая ей выбор.

И вот — первый контакт.

Овчарка шагнула вплотную и уткнулась мокрым, холодным носом в его ладонь. Это прикосновение было мимолётным. Нос был влажным и прохладным, но каким-то невероятно живым. Она словно проверяла: *«Ты настоящий? Ты здесь? Ты не исчезнешь, как все остальные?»*.

Сэм осторожно, боясь спугнуть, провёл пальцами по жёсткой, намокшей шерсти между ушами. Шерсть была грубой, но под ней чувствовалось тепло — пульсирующее, живое тепло. Горячая кожа, часто бьющееся сердце.

Овчарка тихо, почти по-человечьи, вздохнула — глубокий, дрожащий выдох, словно она задерживала дыхание всё это время и только сейчас позволила себе выдохнуть. И прижалась к его коленям. Всем телом, всей своей тяжестью привалилась к нему, уткнулась мордой ему в бок. Не как защитник, не как сторожевой пёс, готовый рвать глотки. Как суще-

ство, которое только что потеряло свой мир, своего человека, и теперь отчаянно ищет точку опоры. Того, кто не уйдёт. Того, кто останется.

Сэм обнял её за шею, притянул к себе, чувствуя, как дрожит её тело. Крупная дрожь пробежала по мышцам, сотрясала мокрую шкуру. Не от холода — от шока. От того, что случилось. От того, что она видела и не могла понять. Так же, как дрожал он сам несколько минут назад, сидя на коленях перед мёртвой девушкой.

Они сидели так, наверное, с минуту. Или час. Сэм потерял счёт времени. Дождь хлестал по ним, не жалея, но он почти не замечал этого. Он чувствовал только её тепло, её дрожь, её тяжёлое дыхание. И внутри, где-то глубоко, в той самой чёрной пустоте, которая поселилась в нём после маминей смерти, что-то шевельнулось. Что-то похожее на... ответственность? Нет, рано. Но хотя бы цель. Маленькая, простая, понятная цель: это живое существо рядом. Оно нуждается в нём. Оно выбрало его.

— Мы разберёмся, — произнёс он вслух, и голос прозвучал хрипло, но твёрже, чем он ожидал. Уже не столько для собаки, сколько для себя. Чтобы закрепить, чтобы поверить самому. — Сначала... Сначала надо найти, где ты жил. Потом решим остальное.

Он осторожно отстранился, заглянул ей в морду. Овчарка подняла голову, и их взгляды встретились. Теперь она не отводила глаз, и в этом взгляде не было прежней насторожен-

ности. Только усталость. Только горе.

Глава 4: Девушка с огненными волосами

Её звали Алиса.

У нее были красивые рыжие волосы — целая палитра огненных оттенков. В солнечном свете в них проступали медные блики, рассыпаясь искорками, в сумерках они темнели до цвета полированной бронзы. Пряди непокорно выбивались из небрежного хвоста, обрамляя лицо тонкими завитками, будто языки пламени, не желающие подчиняться.

Одежду она предпочитала нейтральную, словно пытаясь приглушить собственную яркость: свободные свитера приглушённых тонов, которые контрастировали с её внешностью, и тёмные джинсы, стоптанные на каблуках. Но иногда позволяла себе слабость — яркий оранжевый шарф, который повязывала небрежно, будто случайно, хотя именно он всегда завершал образ и выдавал её истинную натуру.

Её внешность производила странное впечатление: с одной стороны — яркая, «горячая», с другой — сдержанная, почти замкнутая. Как будто природа создала её с избытком красок, но душа выбрала для себя приглушённые тона.

Жизнь её текла тихо, почти бесшумно — как тень, скользящая по стенам просторной, но почему-то всегда казавшейся пустоватой квартиры на пятом этаже старого дома у окраины города. Она была графическим дизайнером, работала удалённо: заказы приходили по электронной почте, правки обсуждались в мессенджерах, а дедлайны «горели» где-то за

экраном монитора, не требуя её физического присутствия в офисе. Эта работа идеально подходила ей — она позволяла оставаться невидимой.

Алиса не стремилась к шумным компаниям. Знакомых у неё было мало — пара бывших однокурсниц, с которыми она изредка переписывалась, да сосед снизу, мужчина лет сорока пяти, иногда просивший помочь с настройками ноутбука. Всё остальное время она делила между экраном с макетами и цветовыми палитрами, книгами — в основном научная фантастика и редкие детективы, — и собакой.

Немецкая овчарка появилась в её жизни два года назад, и это было, пожалуй, единственное спонтанное решение, которое она приняла за последние пять лет. Она взяла его щенком из приюта, вдохновившись историей в интернете. Она никогда не давала ему «человеческого» имени — боялась привязать слишком сильно, будто имя сделало бы его ещё более родным, ещё более незаменимым. Для неё он был просто «мальчиком», «хорошим мальчиком».

Однако в тишине квартиры, когда за окном темнело, а город замирал, она шептала ему вещи, которые не говорила никому:

— Знаешь, о чём я мечтаю? Чтобы ты жил вечно. Глупо, да? Собаки не живут вечно. Но я всё равно мечтаю — произносила она, глядя в его преданные глаза.

— Если бы не ты, я, наверное, разучилась бы разговаривать вслух. Спасибо, что слушаешь даже мою ерунду

Он отвечал молчанием, но это молчание было красноречивее слов. Он отвечал тёплым боком, прижатым к её ногам, тяжёлым вздохом, когда она слишком долго засиживалась за работой, и взглядом, в котором читалось: *«Я здесь. Я рядом. Куда же я денусь»*.

В тот день Алиса взяла выходной — впервые за три недели непрерывной работы. Заказ был сдан, дедлайн пройден, а за окном разворачивалась знакомая для этого города картина: небо, ещё утром казавшееся ясным, постепенно затягивало серыми тучами.

Первые капли упали, когда она уже собиралась выходить, — тихо, будто пробуя землю на ощупь. Потом дождь усилился, застучал по подоконнику, по асфальту. Алиса замерла у стекла, наблюдая, как струи размывают очертания двора. В этом было что-то успокаивающее: ритм дождя, запах влажной земли, пробивающийся сквозь приоткрытую форточку.

И вдруг — неожиданное, почти дерзкое решение: *«Поеду за город. Пусть идёт дождь. Мой мальчик заслужил прогулку не во дворе дома, а там, где пахнет лесом, где капли стучат по листьям, где можно бежать без поводка, не боясь чужих взглядов»*.

Она улыбнулась собственным мыслям, и улыбка вышла какой-то детской, почти забытой. Дождь больше не казался помехой — напротив, он превращался в часть приключения.

Они ехали молча. Алиса слушала подкаст о сотворении мира — тихий голос рассказчика переплетался с ритмичным

стуком капель по стеклу. Темы о зарождении вселенной, первых днях творения, о порядке, возникающем из хаоса, странным образом гармонировали с пейзажем за окном: размытые контуры деревьев, серебристые потоки на асфальте, туман, стелющийся над полем.

«Её мальчик» сидел рядом, улавливая запахи, несущиеся навстречу сквозь едва ощутимую щель приоткрытого окна. Его нос подрагивал, уши время от времени поворачивались к новым звукам — далёкому гулу грозы, шуршанию шин по мокрой дороге.

Алиса изредка бросала взгляд на пса — его сосредоточенную морду, настороженные, но счастливые глаза — и улыбалась. В этот момент ей казалось, что они вдвоём слушают одну и ту же историю, но каждый по-своему.

Через час они остановились у старой просёлочной дороги, ведущей к заброшенной ферме. Алиса выключила двигатель, и сразу стало слышно, как дождь стучит по крыше, как шумит ветер в кронах деревьев, как где-то вдалеке перекликаются птицы, недовольные непогодой.

Она вышла из машины, вдохнула полной грудью влажный, свежий воздух — и почувствовала, как вместе с этим воздухом в неё входит что-то давно забытое. Свобода. Лёгкость. Жизнь.

— Ну что? — спросила она, обращаясь к выпрыгнувшему следом псу. — Готов побегать?

Она отстегнула поводок. Он рванул вперёд — сначала

робко, оглядываясь на хозяйку, словно проверяя: «*Можно? Точно можно?*» — а потом, получив в ответ её тёплую улыбку и кивок, всё увереннее, всё смелее.

Его лапы легко скользили по мокрой траве, он принюхивался к новым запахам, вздрагивал от капель, падающих с листьев, и снова бежал — свободный, радостный, настоящий. Алиса шла следом, наблюдая за ним, и чувствовала, как внутри разливается редкое, почти забытое ощущение — тихая радость.

Не взрывная, не кричащая, а та, что приходит незаметно, как утренний свет сквозь занавески: мягкая, тёплая, обволакивающая.

Она думала о том, как давно не позволяла себе вот так просто быть. Не планировать, не рассчитывать время, не держать в голове список дел. Как долго её дни состояли из писем в почте, правок от клиентов, порой абсурдных, но обязательных к исполнению, тревожных мыслей о будущем, о деньгах, о здоровье, о том, всё ли она делает правильно.

А сейчас — ни одного уведомления. Ни одного звонка. Только дождь, лес, запах сырой земли и счастливый пёс, который носится между деревьями, то исчезая в зарослях, то вновь появляясь на поляне.

В какой-то момент Алиса остановилась и запрокинула голову к небу. Капли падали на лицо — холодные, чистые, живые. Она закрыла глаза и позволила себе просто быть. Быть здесь. Быть сейчас. Быть собой.

Она вспомнила, как в детстве, когда шёл дождь, мама ругала её за то, что она выбегала на улицу без зонта и кружилась под каплями. «*Простудишься!*» — кричала мама из окна. А она смеялась и кружилась ещё быстрее.

Где теперь та девочка? Когда она успела превратиться в женщину, которая боится промокнуть, боится выглядеть глупо, боится позволить себе радость без причины?

В этот момент «мальчик» выскочил из кустов, держа в зубах какую-то корягу, и с победным видом положил её к ногам хозяйки. Морда была перепачкана мокрой землёй, язык вывалился от счастья, глаза сияли.

— Это мне? — рассмеялась Алиса. — Какая прелесть! Настоящее сокровище!

Она присела на корточки, обняла пса за шею, прижимаясь щекой к его мокрой, пахнувшей лесом шерсти. Он замер, будто боясь спугнуть это редкое мгновение близости, и только хвост медленно, счастливо вилял.

— Спасибо тебе, — прошептала она.

Пёс лизнул её в ухо. Алиса засмеялась — звонко, по-настоящему, как та самая девочка под дождём много лет назад.

Они пошли дальше. Лес становился гуще, тропинка извилистее. Где-то впереди виднелась поляна, а на ней — огромный старый дуб, раскинувший ветви так широко, что под ними могла бы укрыться от дождя целая компания.

— Смотри, — сказала Алиса псу, указывая на дерево. — Ему, наверное, лет двести. Если бы он умел говорить, сколь-

ко бы историй рассказал? Хотя много ли историй у него накопилось, когда он рос всю жизнь в одиночестве...

Пёс заинтересованно обнюхал корни дуба, что-то отметил для себя и побежал дальше, к виднеющемуся вдалеке полю.

Алиса села под дубом, прислонившись спиной к шершавому стволу, и просто смотрела, как пёс носится по полю, распугивая невидимых врагов и преследуя воображаемую добычу. Дождь всё шёл, но здесь, под густой кроной, капли почти не доставали до неё.

Она думала о том, как странно устроена жизнь. Вчера она сидела в душной квартире, ненавидя очередной заказ, проклиная заказчика и мечтая только об одном — чтобы её оставили в покое. А сегодня она здесь, под дождём, в лесу, и чувствует себя счастливой.

Почему для счастья нужно так мало? Почему люди убеждают себя, что им нужно что-то большее? Новая машина. Квартира побольше. Признание. Деньги. А на самом деле достаточно просто выйти из дома, вдохнуть влажный воздух, увидеть, как твой пёс носится по полю, и понять: ты жив. Ты дышишь. Ты есть.

Пёс вдруг замер на краю поля, насторожив уши. Алиса проследила за его взглядом — там, вдалеке, по дороге медленно ехала машина. Серебристый седан. Он остановился метрах в трёхстах от неё, заглушил мотор.

Алиса почувствовала лёгкий укол тревоги. Кто-то ещё приехал наслаждаться дождём? Или просто заблудился?

Пёс коротко гавкнул — предупреждающе, но не агрессивно.

— Всё хорошо, мальчик, — позвала она. — Иди ко мне.

Пёс неохотно оторвал взгляд от машины и побежал обратно, к дубу, к хозяйке.

Алиса обняла его, прижимая к себе.

— Ничего не бойся, — прошептала она. — Я с тобой. Мы вместе.

Она ещё не знала, что через полчаса мир разделится на «до» и «после». Что её «мальчик» останется один, мокрый, перепуганный.

Глава 5: Мир, который не будет прежним

Дождь всё усиливался.

— Мальчик! — позвала она.

Пёс вынырнул из зарослей, держа в пасти очередную корягу. Его морда сияла таким неподдельным счастьем, что Алиса рассмеялась — звонко, радостно, как не смеялась давно.

— Бросай своё сокровище, нам пора. Я совсем замёрзла, и ты, кажется, скоро превратишься в мокрую тряпку. — Она потрепала его по голове, и он тут же выронил корягу, прижимаясь к её ноге. — Домой, мальчик. Под одеяло. Смотреть дурацкие сериалы.

Они двинулись обратно по той же тропинке. Пёс бежал позади, ему не очень хотелось заканчивать прогулку. Лес шумел, дождь стучал по листьям. Через пять минут они вы-

шли к дороге. Машина стояла там же, где они её оставили, — старенький хэтчбек. Она открыла дверцу, бросила ключи на сиденье, достала из рюкзака большое махровое полотенце.

— Иди сюда, — позвала она пса. — Давай хоть немного оботру, а то в машине всё зальёшь.

А потом — звук. Резкий, как удар хлыста, разрывающий тишину. Скрип тормозов. Затем рев двигателя, пронзительный, почти звериный, будто сама машина кричала от боли. Короткий вскрик Алисы, похожий на испуганный вздох, оборвался так же внезапно, как и начался. И тишина. Тяжёлая, давящая, заполненная лишь стуком дождя по асфальту и отдаляющимся эхом ветра.

«Мальчик» не сразу понял, что произошло. Он бежал, наслаждаясь свободой — лапы легко несли его по мокрой траве, разбрасывая капли воды, сверкающие в тусклом свете уличных фонарей. Потом он увидел ее. А вокруг нее — странное пятно на траве. Не просто пятно: тёмное, расплывающееся, впитывающееся в землю, смешивающееся с дождевой водой.

Запах. Резкий, металлический, незнакомый. Он ударил в ноздри, заставил уши настороженно приподняться, а шерсть на загривке чуть приподняться. Пёс подошёл ближе, приняв хвостом, втягивая воздух мелкими, прерывистыми вдохами. Она лежала на боку, наполовину укрытая низкорослым кустарником.

Рука вытянута, пальцы слегка согнуты, будто пытались

ухватиться за что-то — за жизнь, за мгновение. Волосы разметались по мокрой земле, слиплись от дождя и чего-то тёмного. Светлая куртка, теперь пропитанная тёмным, почти чёрным, с неровными краями, как чернила в воде.

Он обнюхал её лицо — холодное, неподвижное. Нос скользнул по шее, где обычно бился пульс. Дыхания не было. Ни движения груди, ни дрожания век. Он лизнул её руку — холодную, непривычно тяжёлую. Потом ещё раз. Ждал. Присел рядом, прижав уши, и издал тихий, протяжный звук — не лай, не вой, а что-то среднее, будто спрашивал: *«Почему ты не встаёшь? Вставай, пожалуйста, вставай...»*

Он обошёл её, обнюхал снова, ткнулся носом в плечо, слегка толкнул мордой, как делал, когда хотел поиграть или попросить ласки. Ни реакции. Ни запаха жизни. Только этот новый, чужой запах — крови, железа, смерти. Он сел рядом, вытянув морду в сторону дороги, откуда уехала машина. Ждал. Не уходил.

Потом — шаги. Чужие. Ритмичные, тяжёлые. Он напрягся, прижал уши, втянул воздух. Незнакомый запах: человек, мужчина, тревога. Он не рычал, не лаял — просто медленно отступил, прижимаясь к земле. Пес отступил назад. Трава скрыла его тёмную шерсть, он замер, почти слившись с пейзажем. Только глаза, блестящие, настороженные, следили за приближающейся фигурой.

Сэм подошёл ближе. Пёс не шевелился. Он видел, как человек опустился на колени рядом с Алисой, как его руки

дрожали, когда он проверял пульс на шее, как губы шептали что-то бессвязное.

Пёс ждал. Ждал реакции, ждал движения, ждал, что она встанет, улыбнётся, погладит его по голове и скажет: «*Всё хорошо, Мальчик, идём домой*». Но она не вставала.

Когда Сэм, наконец, поднял взгляд и заметил его в траве, пёс не отвёл глаз. Он не лаял, не приближался — просто смотрел. В этом взгляде не было агрессии, только вопрос: «*Ты знаешь, что делать? Ты можешь её разбудить?*».

Сэм стоял на коленях перед мёртвой девушкой и понимал: это не первая и не последняя смерть, с которой он столкнётся. Он думал о матери, о том, как и её он не смог спасти, удержать в этом мире.

Потом их взгляды встретились. Сэм осторожно провёл ладонью по траве рядом с собакой, не касаясь её шерсти, но показывая: «*Я здесь. Я понимаю. Я тоже кого-то терял*». Пёс сделал шаг вперёд, осторожно приблизился и ткнулся носом в ладонь Сэма.

Их жизни переплелись в этот дождливый день и уже никогда не станут прежними.

Глава 6: Потерянный Марс

Щенку тогда было всего четыре месяца — возраст бесконечного любопытства, первых робких шагов за пределы двора и веры в то, что мир безопасен, потому что рядом *они*. Его звали Марс. Хозяева смеялись, что он вечно носится,

как маленький космический корабль, и вечно вляпывается в грязь. «*Марс, ты опять в луже?*» — кричала хозяйка, а он вилял хвостом, будто отвечал: «*Да! Это же так весело, идите ко мне!*». В тот день они поехали на дачу. Марс ехал на заднем сиденье, высунув морду в окно, ловя носом ветер, полный новых запахов. На даче он носился по участку, гонял бабочек, рыл ямы у забора. Хозяева смеялись: «*Вот вырастет — будет охранником!*» А он и не думал охранять — он просто жил: радостно, без оглядки, с полной верой в то, что эти люди — его вселенная. Вечером, когда стемнело, они вышли погулять за ворота. Марс рванул вперёд — там, в поле, мелькнул заяц. Он бежал, забыв обо всём, а когда обернулся — их уже не было. Он ждал. Он не помнил дорогу назад. Сидел у дороги, прижав уши, вслушиваясь в каждый звук. Может, они ищут его? Может, вот-вот появятся? Но шли машины, шли чужие люди, а *их* — не было. Он пошёл сам. Нюхал следы, пытался уловить их запах среди тысячи других. Забрёл в лес, испугался темноты, завыл — тихо, по-щенячьи. Никто не откликнулся. Ночь он провёл под кустом. Холодно. Страшно. Голодно. Он скулил, сворачивался клубочком, мечтал о своём мягком лежаке и миске с тёплым кормом. О её руках. Он вспоминал, как хозяйка гладила его по голове, зарывалась пальцами в шерсть, шептала: «*Марсик, ты мой хороший*».

Он мечтал ощутить это прикосновение снова — тёплое, уверенное, прогоняющее тьму. О его голосе. О том, как *он*

звал его по имени: «*Марс, ко мне!*», как смеялся, когда он несся к *нему*, задирая лапы. Он хотел услышать этот звук — единственный, способный сказать: «*Ты в безопасности*». О запахе дома. О запахе деревянных половиц, подогретого корма, её духов, старой книги на подоконнике. Он представлял, как переступает порог, вдыхает этот воздух и понимает: «*Я вернулся. Я дома*». О тепле её ног под одеялом. Как он любил забираться к ней в кровать по утрам, прижиматься к тёплым ступням, чувствовать, что он — часть её мира. Сейчас, дрожа от холода, он мысленно тянулся к этому ощущению. И сквозь холод, страх и голод, в глубине его щенячьего сердца тлела одна мысль: «*Они найдут меня. Они обязательно придут*».

Утром он вышел к дороге. Люди шли мимо, отворачивались. Кто-то шикнул: «*А ну фу! Бродяга, отойди!*» Он не понимал: почему они не видят, что он не бродячий? Что он просто потерялся? Он нашёл лужу, попил. Наткнулся на кусок хлеба — съел, не разбирая вкуса. Где-то вдали лаяли собаки. Он хотел подойти, но они зарычали. Он — не свой. Он — чужой.

На третий день его заметили. Двое мужчин в рабочих комбинезонах.

— Смотри, щенок!

— Да ну, брось, он грязный.

— Давай возьмём, котёнку будет с кем играть.

Они не спрашивали, хочет ли он. Просто схватили за

шкурку и закинули в тёмный, грязный багажник. Он думал: «*Наконец-то! Меня нашли!*» Но вместо дома — тёмный сарай, цепь, миска с водой и сухим кормом, который он не умел есть. Он просидел там неделю. Его не били, но и не гладили. Он слышал, как они говорили: «*Ну, не нужен он нам, от него нет никакого толку*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.